



## ГЛАВА 1

**Лисовский Николай Валентинович.**  
**Позывной «Лис»**

Странно было это все. Вроде я уже давным-давно не тот юноша, окончивший в НВВКУ<sup>1</sup> факультет специальной разведки, — седина пробивается. Повидать мне в жизни кое-чего пришлось. В сказки давно перестал верить. Если бы сказал мне об этом кто другой, рассмеялся, у виска pokrutil да забыл бы в ту же минуту, но «Стерх» в пересказах фантастических историй замечен не был.

Разумеется, я слышал и о «Стерхе», и о «Егере». Видеть не довелось до этой встречи, но профессия наша вообще не располагает к близким контактам с посторонними людьми. В нашем узком кругу отставных и не очень «силовиков» о каждом из нас ходят десятки как правдоподобных, так и придуманных историй и легенд. Обо мне тоже многое говорят. В очень узком кругу. Ну, и в штабах тоже. В штабах истории, понятно, с душком, там все с душком, и служба тоже. Даже не с душком, а с вонизмой, но это их служба и дела, ко мне никакого касательства не имеющие.

Оказался я на даче у одного нашего общего хорошего знакомого в нужное время. Чего уж там греха таить? Это был один из тех людей, который

---

<sup>1</sup> Новосибирское высшее военное командное училище.

знал меня с давних лет. Именно этот человек помогал мне сразу, как меня из армии «ушли».

Генерал армии Владимир Константинович Стольников был первым человеком, который протянул мне руку помощи тогда, когда я думал, что в самое ближайшее время меня добьют на «гражданке». И помог мне генерал — и на работу почти по специальности пристроил, и на работе той меня поселили в частном коттедже на хорошо охраняемой территории под Санкт-Петербургом, ни документов, ни фамилии не спрашивая.

А что было со мной делать? В крайней операции я четверых братьев серьезного арабского шейха прибил. Собственноручно. Я же не виноват, что они оказались в той комнате, в которую залетела моя граната, и опять-таки не виноват, что у меня привычка делать контрольный в голову короткой очередью. Так что головы у них разлетелись как гнилые арбузы, что их первейшему родственнику сильно не понравилось.

Да — похулиганил немножко, есть такое дело, но мне не нравится, что в мою страну сотнями килограммов идет жуткая наркота, отправляемая подручными этого внешне истинного мусульманина. Его братья ничем от старшего брата не отличались, и каждый вел свое направление бизнеса. Как у них называлось то, чем они занимались. Работоторговля, проституция, киднеппинг, производство порнографии, в том числе и с детьми. Ничем братишки не брезговали. Итог был вполне закономерен. Чего уж тут обижаться на карающую длань правосудия?

Все мы правильно сделали: дошли, захватили, уничтожили. Вот только старшего брательника в особняке не оказалось. Кто же знал? Пришли-то

мы по душу старшего братца. Говорили ему умные люди: не надо отстегивать «бабло» не в ту сторону, но, видимо, не в те уши влетало.

На «священную борьбу с неверными» этот правоверный мусульманин отстегивал как партийные взносы — ежемесячно. Долю засылал конкретную — как в воровской общак, но и связями боевиков пользовался беззастенчиво, как своими собственными.

А у нас категорический приказ. Ведь Верховный главнокомандующий нашей страны прямым текстом в самом начале своей политической карьеры сказал: «Будем мочить в сортире. Вопрос закрыт окончательно». А где находятся сортиры? В доме. В том числе и в собственном доме особо непонятливого клиента.

И никого не волнует, что этот дом в другой стране мира — мы защищаем интересы своей страны в любом уголке земного шара. Девиз у нас такой. Все это знают, а кто не знает, нас опять-таки не сильно волнует — у нас приказ. И никто не виноват, что периодически обдолбанный старший братец прямых намеков Верховного главнокомандующего нашей страны не понимает.

В точке эксфильтрации мою группу ждала засада. В живых остался я один. Добирался на Родину окольными путями, а дома меня уже с нетерпением поджидало увольнение «из рядов». Видимо, чтобы старшему брательнику было легче меня искать.

Могли, конечно, меня ребята из этого охранного агентства сдать, чтобы заработать свои полтора ляма «зелени»<sup>1</sup>, но предателей среди них не оказалось, в отличие от кого-то из «генштабистов»,

---

<sup>1</sup> Полтора миллиона долларов.

сдавших всю мою группу. Кто нас так оперативно подставил, я, разумеется, выяснить не смог — не мой уровень доступа, но об этой необычной операции знали не только в нашем штабе.

Так и прожил я два года, ни в чем себе не отказывая, пока меня со всеми собаками по всей стране разыскивали. Тренировал небольшие группы личных телохранителей, проводил индивидуальные занятия, монтировал системы безопасности — я же и швец, и жнец, и на дуде игрец. И стрелять могу, и, если понадобится, смогу качественно взорвать, что прикажут, и морду лица пятаку мордоносителей набью легко и непринужденно. Да и вообще, знаний и умений у меня вагон и маленькая тележка — на все руки мастер. И ноги. И головой пользоваться умею.

Собой тоже занимался, разумеется. Два года — это очень много, когда ровно сидишь на пятой точке, и очень мало, когда пытаешься самосовершенствоваться. В моей профессии крайне мало людей, остановившихся в своем развитии по достижении какого-то определенного результата или звания, и совсем нет ленивых. Я — не исключение. Раньше у меня просто было слишком мало времени на то, чем я с упоением и занимался в эти короткие для меня месяцы.

Ну, во-первых, языки. Финский и испанский? Зачем? Да черт его знает. Английский и арабский я знаю в совершенстве, а вот финский, французский и испанский на хорошем разговорном уровне. Так уж сложилось в нашей семье, что знание языков — это основа основ начального образования всех отпрысков семьи Лисовских. С прапрабабушек и дедушек еще пошло. Теперь и мы мучаемся, чтобы перед предками не позориться.

Во-вторых, метание самого разнообразного холодного оружия. Моя давняя страсть, нашедшая наконец время для реализации или, скорее, для ее совершенствования.

Метание ножей — это отдельная наука, которую в той или иной степени проходит любой человек, связавший свою судьбу с армией. На начальном этапе бойцов учат простейшим и надежным приемам уничтожения противника подручными предметами и, в частности, штык-ножом, но со временем механизмы обучения усложняются. Кто-то приходит к этому, наняв дорогостоящих учителей, кого-то обучают специализированно, ну а кому-то, как, к примеру, мне, приходится идти к вершинам лишения жизни ближнего своего самостоятельно.

Помимо метания ножа меня всегда привлекало сюрикэндзюцу и, как продолжение этого боевого искусства, — метание любого метательного оружия от иголок и топоров до метательных пластин Тадеуша Касьянова.

Вот странно, но простейшее вроде бы оружие, а изобрел и усовершенствовал его представитель страны, в которой любая самозащита, мягко говоря, не приветствуется на государственном уровне, а грубо — преследуется по закону.

В отличие от сюрикенов различных форм и веса метательные пластины могут убить противника и на расстоянии более двадцати метров, что само по себе для людей, разбирающихся в метании холодного оружия, — чрезвычайно серьезный показатель. Кроме того, пластины Тадеуша Касьянова легко входят в нагрудные карманы гимнастерки или десантного комбинезона, а вес их несколько выше традиционных метательных звезд.

Пластины легко метать с двух рук, особенно по густой толпе нападающих, а из-за веса в двести пятьдесят граммов этот метательный снаряд развивает очень высокую начальную скорость полета. Ко всему прочему, это необычное оружие легко использовать в замкнутом пространстве в качестве оружия ближнего боя.

К тому же чисто для себя я сделал два массивных и почти имитационных портсигара, на стенки которых поместил по четыре зачерненных стальных клинка. Ну, и около двух лет совершенствовал мастерство метания этого вспомогательного оружия последнего шанса.

В моем положении никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, и предложение старого друга нашей семьи и моего первого учителя оказалось как нельзя кстати. В общем, выслушал я предложение генерала армии в отставке Стольников, прослушал откровения «Стерха», поглядел на фотографии с молодым лейтенантом, в ту пору еще не бывшим «Егерем». Внимательно рассмотрел фото с капитаном Егоровым, в свое время прославившимся на всю нашу необъятную страну. Даже мы всем нашим подразделением тогда над этим необычным армейским анекдотом ржали.

Окунуть в унитаз штабного генерал-лейтенанта, а в процессе подтаскивания тушки к сосуду, полному качественного поноса, сломать генералу челюсть, ключицу и руку мог только контуженный «Егерь».

Впрочем, ничего удивительного. Ведь капитан Егоров генерала два раза в унитаз макал. В первый раз промахнулся, и челюсть генерала приказала долго жить. И в дверь туалета не сразу с этим кабаном прошел — капитальный дверной проем

оказался крепче хрупкой ключицы, обросшей качественным генеральским салом. Рука понятно — генералу очень не хотелось в унитаз, но у «Егеря» было на это свое мнение.

Так сказать, выступил командир разведгруппы напоследок со своей сольной программой. Говорят, Егорова после контузии и госпиталя года три в сознание приводили — он все никак навоеваться не мог. Получается — вон где капитан свою войну нашел! Скатался, так сказать, на родину к приятелю.

В июле две тысячи десятого года капитан Егоров со своим приятелем Виталием Дашкевичем отправились в Витебск. Выбрались из дома они несколько раньше необходимого им времени, поэтому в дороге заночевали в найденном ими старом военном блиндаже, находящемся в Невельском районе Псковской области. А наутро оказались на самой страшной для истории нашей страны войне.

Оказавшись в июле сорок первого года практически в самом центре провального отступления Красной Армии, капитан спецназа главного разведывательного управления России не растерялся и ушел глубоко в тыл наступающих немецких войск — в Латвию. Добравшись до нужного ему района, «Егерь» создал опорные базы и принялся заниматься тем, что умел делать лучше всего, — уничтожать живую силу противника. Тем более что далеко бегать за этим самым противником ему не пришлось.

В процессе движения в район боевых действий Егоров набрал и обучил несколько десятков местных юношей и девушек, здраво посчитав, что молодых ему проще обучить и значительно легче будет с ними воевать. Без плененных немцами



и освобожденных Егоровым бойцов и командиров Красной Армии, конечно же, не обошлось, но авторитет капитана в отряде был непреклонен, и традиционного для армии тех лет двуначалия не произошло.

Последние военные фотографии капитана Егорова я тоже с интересом рассмотрел. Они могли бы показаться фотомонтажом, если бы «Стерх» почти год не искал «Егеря». Его бывший подчиненный пропал очень странно. Машину капитана Егорова нашли достаточно быстро — в машине стояла система спутниковой сигнализации, и у капитана с его работодателем была обговорена система контрольных звонков, а вот сам «Егерь» и его помощник Дашкевич как сквозь землю провалились.

А в июле две тысячи одиннадцатого от капитана Егорова из сорок второго года пришли гонцы: пропавший вместе с ним немолодой белорусский строитель Виталий Дашкевич и юная девушка Вера, родившаяся в начале двадцатого века. Еще через год Вера решила вернуться обратно, а вместе с ней собрались в теперь уже сорок третий год чуть более десятка хорошо послуживших своей Родине бывших военных, и в первую очередь двое побратимов «Егеря» — «Мальш» и «Хаски».

Народу собиралось значительно больше — более трех десятков, но количество уходящих строго ограничил командир капитана Егорова подполковник Логинов с позывным «Стерх». Блиндаж не был резиновым, и то, что заказал «Егерь», необходимо было переправить в первую очередь, а заодно отправить в начало прошлого века тех, для кого проживание в современной России стало занятием небезопасным.

Так, первыми кандидатами на отправку стали двое разведчиков, ВДВ и морской пехоты, «Багги» с «Лето», которым грозили немаленькие сроки заключения. Двое снайперов, Ким и «Сава». Первый нарвался на «великую любовь» состоятельной дамы, не привыкшей слышать категоричные отказы «какого-то сапога». Второй отбил первичные половые признаки (и, надо сказать, не только их) трем пэпээсникам, обобравшим старого соседа — снайпера, прошедшего всю вторую чеченскую войну. Были в кандидатах на отправку и сапер от бога, и полковник ФСБ, и три уникальных технических специалиста у него на подхвате.

Словом, «посылку» «Егерю» «Стерх» собрал качественную. И меня пригласил поучаствовать в этой необычной командировке. Тем более что через годик-другой можно было попробовать вернуться обратно.

Думал я недолго — всю жизнь за пазухой у Владимира Константиновича не просидишь. Искушать людей тоже надо в меру — задерет обиженный арабский родственничек планку еще на полтора миллиона, и у кого-нибудь поднимется рука нужный телефончик набрать.

Собирался тщательно — уходил все же навсегда (возвращаться я не планировал) и в каменный век по сравнению с две тысячи двенадцатым годом. Еще неизвестно, будет ли возможность зачерпнуть отсюда недобранного в первый раз.

Товарищ генерал тоже подсобил, чем смог, а он мог очень многое. В арсенале находящегося якобы в отставке генерала чего только не было. Загрузил он меня, не жалея собственного добра — «Стерх» также, не жалея, поделился финансами «Егеря». Ну, и электронную базу специалисты его охранного

агентства мне такую подобрали, что у меня слюни ручьем текли.

О задумке «Стерха» и «Егеря» я тогда даже не догадывался. Кто ж знал, что они переход взорвать удумают? И ведь как качественно его грохнули! Воронка была метров двадцать в диаметре. Бревна блиндажа разнесло в щепу, ближайшие сосны как костяшки домино легли. Вповалку. Будто тунгусский метеорит е... навернулся. Но выяснилось все это уже значительно позже.

Короче, собрались, загрузились в реально существующий блиндаж. Я еще с девочкой Верой переговорить успел, пока туда добирались. Когда с ней беседовал, сам во все поверил — слишком необычная девочка оказалась. В нашем времени таких девочек уже давно не делают, видимо, технологию производства где-то потеряли.

Перезнакомился и с теми, кто туда же уходил, а уходили многие. «Стерх» меня с короткими характеристиками ознакомил. Люди все жизнью битые, а кто-то и с проблемами. Кто с житейскими, кто с законом родного государства, а кто, как «Лето» с «Багги», — войной наглухо переклиненные.

А полковник ФСБ Малышев Александр Иванович — это отдельная история. Меня с ним «Стерх» персонально познакомил, и мы с этим необычным офицером даже последовательные шаги наметили, но человек предполагает, а война все расставляет по своим местам. Думали...

Черт его знает, чем мы с ним думали. Наверное, до самого выхода из блиндажа я надеялся, что все это розыгрыш. Подсознательно к этому был готов, а выйдя из блиндажа, ошалел.

Это был в первую очередь очень сильный эмоциональный шок, и испытал его не я один. Ожида-

ние чего-то необычного перекрыла будничная реальность. Вон там, за провалом старого военного блиндажа, была обыденная для нас жизнь со всеми привычными нам проблемами и устоявшимся укладом жизни. Психологически я ожидал обстановки как на старых черно-белых кадрах военной хроники, а увидел обычный сосновый лес. С запахами, яркими красками, пением лесных птиц, шелестом песка под ногами. Это ударило сильнее всего.

Воздух чище — сразу чувствуется после загазованного Санкт-Петербурга. Обстановка вокруг изменилась — песчаного карьера как не было. Лес, нас окружающий, совершенно изменился, а чуть в сторонке стоит немецкий ручной пулемет, и потрясающе красивая девочка в незнакомом камуфляже рядом с ним расположилась. Ребенок совсем, лет, может, пятнадцати, а взгляд как будто через прицел смотрит и сейчас на спусковой крючок нажмет.

Слух у меня сразу отдаленную стрельбу отметил и гул где-то высоко, но самолет не сверхзвуковой. Звук другой. Басовитей, что ли?

«Егеря» я только мельком увидел. Не таким он оказался, как на фотографиях, — много старше и на лице шрам свежий. На фотографиях прошлого года этого шрама у «Егеря» не было. Оружие местное, экипировка слегка на нашу похожа, но люди, его окружающие, от нас отличаются, как земля и небо. Мальчишки и девчонки, а взгляды, как у той девочки у пулемета, и возрастом все не намного старше. Молодых парней всего несколько человек, и все они вокруг Егорова кучкуются таким плотным живым щитом. Как будто отойти от него боятся и прикрывают его от всего на свете.